

Цзи Шэньюй достал документы:

— Дяденька, я только перевелся, сегодня мой первый учебный день.

— Даже если перевелся, бумаги должны оформлять родители, иначе как доказать? — Сторож приподнял эмалированную кружку. — Первый день, а пришел так поздно? Безобразие.

Автомобиль уже развернулся. Дин Ханьбай, наблюдавший за всем через зеркало заднего вида, был вынужден заглушить мотор и выйти. Он подбежал к воротам:

— Мастер, какие еще бумаги? Я сам за него оформлю. Как же их оформить, если вы его даже на порог не пускаете?

Сторож совсем запутался:

— Ты ему кто, брат?

Дин Ханьбай протянул руку сквозь решетку, нащупал засов, сдвинул его и распахнул ворота. Сторож зашумел, но Дин Ханьбай встал перед ним, схватил Цзи Шэньюя за лямку рюкзака и дернул так, что тот вылетел наружу вместе с сумкой.

— Чего застыл? Беги!

Цзи Шэньюй бросился к учебному корпусу, на ходу объясняясь встречным учителям, и довольно быстро оказался в своем классе. Усевшись за парту и переведя дух, он невольно беспокоился о том, что стало с Дин Ханьбаем у ворот.

А у Дин Ханьбая все было отлично. Даже когда сторож скрутил ему руку, он умудрялся отшучиваться:

— Вы поищите на доске почета в холле фотографии выпускников, посмотрите, нет ли там меня, Дин Ханьбая? Что такого в том, чтобы открыть ворота родной школы? Да я сам вместе с отцом барельефы в холле вырезал!

Сторож, проработавший здесь больше десяти лет, присмотрелся:

— Дин кто? Ты и есть Дин Ханьбай?

Дин Ханьбай вырвался и одернул воротник:

— Я здесь учился, а не преступник какой-то. Успокоились?

Сторож в сердцах толкнул его, ворча, словно на рынке:

— Это все ты, негодник! В те времена исписал все переклады на учительских велосипедах! То черепахами обзовешь, то напишешь, что домашку не успел сделать. Я поймать тебя не мог,

а с меня зарплату высчитывали! У тебя в голове одни пакости!

Дин Ханьбай, давно забывший те дела, рассмеялся и бросился к машине. Даже сквозь закрытые окна он слышал ругань сторожа. Выехав на улицу, он начал припонимать: точно, был грешок. Пенал тяжелый, в нем одна ручка и четыре ножа — если какой учитель не нравился, он тут же вырезал надпись на перекладине его велосипеда, изящным почерком, а потом еще и золотой краской проходился.

Проезжая мимо Бюро по охране культурных реликвий, он крутанул руль и свернул внутрь. Его не было больше недели, директор Чжан наверняка уже вернулся, надо бы проведать, не привез ли он чего интересного.

В кабинете все те же лица. Увидев Дин Ханьбая, коллеги оживились — он был щедрым, безотказным, и его здесь любили. Он кивнул на кабинет директора:

— Вернулся?

Коллега кивнул в ответ:

— Директор Чжан и руководитель группы Ши как раз делят добычу.

Дин Ханьбай пошел отмечаться о выходе на работу, а на обратном пути столкнулся с руководителем Ши, который как раз выходил из кабинета. Тот заметно похудел — видно, командировка выдалась тяжелой. Дин Ханьбай подошел к нему, взял чайник и налил ему чаю:

— Руководитель, скучали по мне?

Ши глянул на кабинет и проворчал сквозь зубы:

— Я каждый день о тебе вспоминал!

В Фуцзяни подняли со дна целую партию артефактов, сотрудники бюро из разных мест съехались на осмотр, конференции, первичный отбор, ограниченные закупки — вымотались до предела. Ши отвесил ему подзатыльник:

— Мне нужно пару дней отдохнуть, теперь ты будешь за меня бегать и работать.

Дин Ханьбай спросил:

— Ничего не прикупили?

Ши снова отвесил ему подзатыльник:

— У тебя на уме только это! — Он понизил голос и добавил: — То, что уцелело, нужно оформлять официально. Я отобрал только сильно поврежденные фрагменты. А те, что пойдут на городскую выставку, — это не мое дело, все решает директор Чжан.

Дин Ханьбай не утерпел:

— Вечером я угощаю, дашь взглянуть?

Весь день он не мог сосредоточиться ни на чем другом, быстро закончил накопившуюся работу и ждал лишь одного — возможности налюбоваться артефактами вместе с Ши. В половине седьмого он заехал за ним, они взяли в ресторане несколько блюд навынос и напрямую отправились к Ши домой.

В комнате было душно. Дин Ханьбаю было не до еды — он расстелил старую простыню, выложил на нее обломки, привезенные Ши, и присел на корточки, чтобы рассмотреть их поближе. Ши подошел следом:

— Сплошной хлам, тебе это нравится?

Дин Ханьбай прикрыл нос и рот рукой, чтобы не чувствовать морской тины, и прогнусавил:

— Я увлекаюсь антиквариатом. То, что продают на рынках, — сплошная подделка. Жаль, конечно, что эти фрагменты такие разбитые, но даже осколок нефрита лучше, чем целая черепица.

Ши махнул рукой:

— Забирай всё. Жена не разрешает держать этот хлам, на них еще и морские черви, грязь одна.

Дин Ханьбай тут же принялся упаковывать находки, боясь, что тот передумает. Теперь можно было забрать их домой и изучать спокойно. Когда они уселись ужинать, на улице уже совсем стемнело, прогноз погоды подходил к концу. Дин Ханьбай расколол крабью клешню и вдруг замер — он забыл о чем-то важном.

Ши спросил:

— Ты как сюда приехал? Если на машине, то не пей.

Как он приехал? На машине, потому что так быстрее. А почему надо было спешить? Потому что поздно вышел, опоздает... Дин Ханьбай с грохотом опустил палочки — он забыл забрать Цзи Шэньюя из школы!

С пакетом хлама на сиденье, боясь растрясти осколки, он ехал не слишком быстро. Срезав путь, он добрался до школы №6, но ворота были заперты, внутри — ни души, сплошная темень.

Он вышел из машины и крикнул через решетку:

— Мастер! Тот переведенный ученик, что был утром, уже ушел?

Вышел сторож:

— Посмотрел новости у меня в будке и ушел.

Дин Ханьбай поехал прочь, внимательно осматривая улицы, но машина не могла ехать медленно, и он то и дело упускал из виду детали. Он решил, что Цзи Шэньюй, возможно, уже дома, и прибавил газу.

В переднем дворе было пусто — Дин Яньшоу и Цзян Шулю ушли к друзьям на день рождения. Дин Ханьбай забежал в маленький дворик, но там было темно и тихо. Цзи Шэньюй не вернулся. Он побежал к Цзян Цайвэй:

— Тетушка, Цзи Шэньюй не возвращался?

— Нет. Разве у него сегодня не первый день учебы? — удивилась она. — Разве не ты должен был его встретить? Я думала, вы где-то ужинаете...

Дин Ханьбай не стал дослушивать, развернулся, вскочил на велосипед и рванул в темноту, выкрикивая имя на ходу. От дома до школы было далеко, утром он ехал на машине, Цзи Шэньюй точно не запомнил дорогу. Где он теперь?

Цзи Шэньюй действительно заблудился. Он прождал у ворот час, пока школа совсем не опустела. Пытаясь вспомнить обратный путь, он пошел наугад. Хотелось есть, город оказался намного больше Янчжоу — широкие дороги, фонари стоят так далеко друг от друга. Он прошел мимо озера, которого не помнил, свернул и оказался в парке.

Выйдя из него, он не узнал места. Вдоль улицы тянулись ивы и розы, газетный киоск закрывался. Он спросил дорогу к Юй Сяоцзи, но ему ответили, что это очень далеко. Он посмотрел на луну — здесь она была такой же, как в Янчжоу.

Ему хотелось домой, в Янчжоу, к Цзи Фансюю, которому он за всю жизнь сказал «папа» всего один раз.

Он же просил Дин Ханьбая приехать пораньше. Почему тот не приехал?

Может, потому что бамбук, который он вырезал, был плохим? Или потому что он обманул его с поддельным нефритом? Или потому что не одолжил ту книгу «Как горы и моря»? Цзи Шэньюй продолжал идти, и даже лунный свет на плечах казался тяжелой ношей. Он прижался к стене — красивые красные стены и черная черепица — и пошел вдоль нее.

Дин Ханьбай нашел его, когда тот разглядывал птичьи гнезда под карнизом.

— Цзи Жемчужинка, — позвал он.

Цзи Шэньюй обернулся, но на лице не дрогнул ни один мускул — ни радости, ни

разочарования.

Дин Ханьбай подъехал на велосипеде и снял с плеча Цзи Шэньюя рюкзак — тяжелый, даже ему было трудно нести. Он не знал, с чего начать, и в итоге выдал привычное:

— Чего не ждал? Куда тебя понесло?

Цзи Шэньюй ответил:

— Я знал, что ты не приедешь.

— Что?

— Я знал, что ты и не собирался за мной приезжать.

— Я просто забыл... — Дин Ханьбай дернул за звонок, выдавая свое смущение. — У меня были дела, вылетело из головы. Вот, я же приехал тебя искать. Садись.

Велосипед плавно покатил по улице, рюкзак болтался на руле. Дин Ханьбай, пока искал его, весь взмок, рубашка прилипла к спине. Цзи Шэньюй держался за пружину под сиденьем, его ноги слегка дрожали.

— Есть хочешь? Что сегодня проходили? Одноклассники не просили сказать что-нибудь на янчжоуском диалекте? — Дин Ханьбай засыпал его вопросами, но не получил ни слова в ответ. Он резко затормозил. — Чего ты хочешь? Спроси завтра у сторожа, приезжал я или нет. Забыл — значит забыл, не надо делать вид, будто я специально тебя бросил.

Цзи Шэньюй ударил его кулаком в спину:

— Забывать нельзя!

Дин Ханьбай замер, поняв подтекст. Он действительно забыл, но для Цзи Шэньюя это было то же самое, что быть брошенным — чувства-то одинаковые.

Птица хочет вернуться в гнездо, а Цзи Шэньюй простоял у ворот, пока все не разошлись, — так же жалко, как когда он уезжал из Янчжоу.

Дин Ханьбай лишился дара речи, а Цзи Шэньюй добавил тише:

— Я скоро запомню дорогу. Ты не мог бы не забывать, пока я не запомню?

Дин Ханьбай довез его до дома. Цзян Цайвэй ждала их у ворот и разогрела ужин. Цзи Шэньюй не стал есть и ушел в свою комнату делать уроки. Дин Ханьбай попросил тетюшку:

— Отнеси ему поесть.

Цзян Цайвэй наполнила миску:

— Сам отнеси.

Дин Ханьбай, придерживая миску одной рукой, пошел в маленький дворик. Дверь, обычно приоткрытая, была плотно закрыта. Он постучал — ответа не было.

— Я войду, — сказал он и толкнул дверь. В комнате горел свет, на столе лежали книги, но Цзи Шэньюя не было.

Он решил, что тот пошел мыться, поставил миску и поспешил уйти, чтобы снова не поссориться.

Прошла ночь. Дин Ханьбай встал рано, взял насос, чтобы подкачать шины, и, подойдя к велосипеду, увидел на перекладине мелкую надпись, выполненную безупречным стилем Шоуцзинь. Резьба была покрыта золотом.

Надпись гласила: «Подлец, негодяй!»

Дин Ханьбай подумал, что это, наверное, и называется кармическим воздаянием.

Он склонился, разглядывая пять иероглифов. Оставим в стороне содержание, но написано — просто загляденье, да и вырезано отлично. Он провел пальцем — линии глубокие, рука была твердой.

Дин Ханьбай понял, что это дело рук Цзи Шэньюя, но его мучил вопрос: как он смог вырезать такое? Этими пальцами, на которых даже мозолей нет, и кистью, которая дрожит, когда он рисует?

Он размышлял над этим так долго, что даже забыл рассердиться из-за оскорбления. Накачав колеса, он пошел завтракать и наконец столкнулся с Цзи Шэньюем.

— Младший брат, — он разломил пополам жареную палочку и протянул ему половину. — Нравится стиль Шоуцзинь?

Цзи Шэньюй взял угощение и невозмутимо ответил:

— Нравится. Изящно.

Дин Ханьбаю это показалось забавным: даже обзываясь, он выбирает красоту. Очень придиричивый, прямо под стать ему самому.

После завтрака они вышли из дома. Рюкзак снова висел на руле. Дин Ханьбай позвонил в звонок, отъехал на пару метров и, проезжая мимо плакучей ивы, сорвал веточку и начал размахивать ею сзади. Цзи Шэньюй не успел увернуться, ивы щекотали лицо, и он схватил другой конец ветки, чтобы Дин Ханьбай не баловался.

Дин Ханьбай левой рукой держал руль, а правой пытался тянуть ветку, но в итоге просто начал «клевать» ею, как птица зерна, приближаясь все ближе, пока случайно не коснулся пальцев Цзи Шэньюя.

В тот же миг он получил шлепок по тыльной стороне ладони.

Ветка упала, попала в спицы и была изжевана колесом. Дин Ханьбай, смутившись своей глупой выходки, посмотрел на надпись на перекладине и нарочито вздохнул:

— Столько силы вложил, должно быть, ты меня очень ненавидел, когда вырезал это.

Цзи Шэньюй молчал. С самого утра, проезжая по улицам, он запоминал все приметные места. В кармане у него была ручка, и он то и дело чертил на ладони линии, а к школе у него была готова целая карта.

Дин Ханьбай, опираясь ногой о землю, небрежно пообещал:

— Я заканчиваю в полседьмого, буду ровно в без пятнадцати. Посиди в классе, поделай уроки, а потом выходи.

Цзи Шэньюй надел рюкзак:

— Не нужно. Я уже запомнил дорогу.

Дин Ханьбай не поверил:

— Путь неблизкий, ты уверен?

— Да, — твердо ответил Цзи Шэньюй. — Я знаю, что ты не хочешь меня возить. Это был последний раз, больше не буду тебя беспокоить.

Он с самого утра так решил: запомнить дорогу, чтобы больше не обременять его. Если бы Дин Ханьбай не забыл вчера, он бы запомнил путь еще тогда. Дин Ханьбай словно не понял, сжал руль, помолчал, а потом, не сказав ни слова, развернулся и уехал.

На работе Дин Ханьбай при виде любого препятствия яростно жал на звонок. В Бюро он приехал первым. Он сидел в одиночестве, глядя на пятнышко зеленой краски на ноге.

То, что больше не нужно возить Цзи Шэньюя, должно быть радостью, но он чувствовал себя

брошенным. Или, скорее, уволенным.

А еще эта надпись на велосипеде... Дин Ханьбай был в ярости. Он ведь полвечера вчера мучился угрызениями совести, даже артефакты не успел рассмотреть.

— Что за чушь, — проворчал он себе под нос.

А потом добавил громче:

— Да и плевать! Посмотрим, как ты сдашь экзамены!

На самом деле, остальные члены семьи тоже ждали результатов. Хотя их братья и определились с профессиями, учились они неплохо, только Цзян Тинэнь был ленив.

Цзи Шэньюй не знал, что его оценки так всех волнуют, и просто прилежно учился. Друзей он не искал, атмосфера перед экзаменами была напряженной, и он вел себя тихо.

После уроков староста подошел к нему:

— В дни экзаменов на следующей неделе твоя очередь дежурить.

Цзи Шэньюй согласился и решил убраться сегодня, чтобы потом не суетиться. Он подметал пол, протирал столы, и когда закончил, в школе почти никого не осталось. У ворот, конечно, не было Дин Ханьбая — ему не нужно было ждать, а тому не нужно было раздражаться.

Цзи Шэньюй пошел домой. На автобусной остановке он посмотрел на маршруты, дождался автобуса и поехал. Ехать действительно было долго. Он вышел на остановке «Чиванфу» и пошел пешком.

Ветер колыхал ивы, Цзи Шэньюй сорвал веточку и, помахивая ею, пошел дальше. Впервые с тех пор, как он покинул Янчжоу, он чувствовал себя свободным. Он пинал камешки, напевал песенки — никаких старших, никаких насмешек братьев, только он и закатное солнце.

— Мастер, — прошептал он. — Старина Цзи, я вдруг забыл, как ты выглядишь.

Он побежал:

— Ты там присматривай за тетушкой, обо мне не беспокойся.

В десяти метрах позади Дин Ханьбай катил велосипед. Он отпросился с работы на пятнадцать минут раньше, и когда увидел, как Цзи Шэньюй выходит из школы, уже успел выпить три бутылки газировки. Он ехал следом за автобусом, и только когда Цзи Шэньюй вышел, смог перевести дух.

Он волновался, что «маленький южанин» потеряется, но и показываться на глаза после того, как его «уволили», не хотел. Но вид Цзи Шэньюя, который так весело шагал, его раздражал. Чего он такой довольный?

Вернувшись домой, Дин Ханьбай ходил с хмурым видом, ужин не ел, а разложил свои фрагменты артефактов. Тетрадь была исписана на три страницы, он даже не заметил, как испачкал белую рубашку.

Цзи Шэньюй, зайдя во двор, замер. Он знал, что Дин Ханьбай не будет просто так сидеть над хламом, и не удержался:

— Старший брат, что это?

Дин Ханьбай взял глиняный черепок, не отвечая. В его глазах были только предметы, пролежавшие в море сотни лет, а не живой человек перед ним.

Цзи Шэньюй неуверенно спросил:

— Похоже на артефакты со дна моря. Настоящие или подделка?

Дин Ханьбай поднял взгляд:

— Ты разбираешься в артефактах?

— Я читал об этом в книге, — ответил Цзи Шэньюй. В той самой, «Как горы и моря».

Лучше бы он промолчал. Дин Ханьбай разозлился, собрал вещи и ушел в кабинет. Цзи Шэньюй, не успев рассмотреть, подошел к окну кабинета и украдкой заглянул внутрь.

Он подумал: Дин Ханьбай любит антиквариат? Ну да, золотая молодежь любит тратить деньги на всякую ерунду.

Потом подумал: что он там пишет? Неужели что-то понимает?

Цзи Шэньюй присмотрелся к рукам Дин Ханьбая. Сильные, жилистые руки, сжимающие кисть. На тыльной стороне ладони вздулись вены — такие живые, переплетенные.

Дин Ханьбай держал его за запястье, сжимал его руку... Он вдруг вспомнил это.

Кисть замерла. Дин Ханьбай взял донышко чаши, пытаясь счистить налет, чтобы увидеть клеймо, и испачкал руки. Цзи Шэньюй видел, как нахмурился Дин Ханьбай, как дернулась его гордая переносица. Он подумал: с таким лицом лучше не связываться, никакая красота не скроет его язвительности.

Он наблюдал некоторое время, но, кроме рук и лица Дин Ханьбая, ничего не разглядел, и ушел к себе.

Они сидели по разные стороны стены. В десять вечера в переднем дворе погас свет, в одиннадцать — в восточном. Только в их маленьком дворике горел свет. В полночь в мастерской зазвонили старинные западные часы, протрещали и замолкли.

Цзи Шэньюй закрыл книгу, достал кусок нефрита и начал рисовать, повторяя урок. Закончив, он пошел мыться. Когда он проходил мимо кабинета, там еще горел свет, а когда вернулся — уже погас. Дин Ханьбай сидел на веранде.

— Старший брат, ты чего тут сидишь?

Дин Ханьбай зевнул:

— А чего еще делать? Жду, когда можно будет помыться.

Его рубашка была в грязи, может, даже в остатках морских червей. Цзи Шэньюй не знал, какая там живность, но это точно было негигиенично. Он отошел подальше:

— Тогда не клади одежду в корзину.

Дин Ханьбай уловил пренебрежение:

— Не положу, я ее к тебе на кровать брошу.

Обменявшись парой сухих фраз, Цзи Шэньюй ушел спать. С тех пор как заболел Цзи Фансюй, он плохо спал — как бы он ни устал, уснуть было трудно. Лежа в кровати, он почувствовал пустоту в животе.

Он встал, чтобы съесть таосу, подставив ладонь, чтобы не крошить.

Дверь приоткрылась, и вошел Дин Ханьбай, ведя себя как хозяин:

— Умираю с голоду, дай кусочек.

Он не ужинал и был голоден как волк. Не дожидаясь ответа, взял печенье.

— Невкусно, — сказал он, попробовав, и отложил. Можно умереть от голода, но нельзя портить вкус. — Отсырело, не рассыпчатое.

Цзи Шэньюй поспешно возразил:

— Это тетушка дала. — Поэтому он берег их, нельзя было тратить ни крошки.

Дин Ханьбай не понял его и истолковал по-своему:

— Жалко печенья? В Янчжоу что, мало сладостей? Не будь таким мелочным. — Он вспомнил, что тот — незаконнорожденный сын, которого ненавидит жена Цзи Фансюя. — Наверное, ты никогда ничего нормального не ел.

Цзи Шэньюй тут же спросил:

— Сегодня тетюшка купила курицу из Цзюмаочжай, это считается хорошим?

<http://bllate.org/book/19144/1880214>